

Научная статья / Original article

УДК 72.036

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-48>

**Дискуссия о сущности храмов русско-византийского стиля
К. А. Тона в отечественной культуре XIX — начале XXI века**

Клюкина Людмила Александровна

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
klyukina-la77@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является исследование дискуссии о сущности храмов русско-византийского стиля К. А. Тона в отечественной культуре XIX — начале XXI века, а также реконструкция на примере данной дискуссии логики бинарности самосознания русской культуры. При изучении текстов представителей общественной мысли использовался логический и исторический анализ. Построение и описание самосознания культуры России осуществлялось в контексте семиотического подхода, разработанного Ю. М. Лотманом. Автор статьи сделал следующие выводы. В указанный период сложилось и сохраняется двойственное представление о сущности церковного зодчества Тона. Это объяснялось эклектическим методом проектирования архитектора, сочетающим элементы классицизма и древнерусского зодчества. Подражая древнерусскому зодчеству, архитектор создал визуальный образ храма «православной империи». Так как тоновская архитектура была стилеобразующей, то ее условно можно считать преемственной по отношению к московскому культовому зодчеству XV–XVI веков. Восприятие образов храмов формировалось в рамках дуальной модели культуры, унаследованной от петровской эпохи, и зависело от идейной позиции реципиента. В ходе изучения дискуссии о сущности русско-византийского стиля Тона была выявлена особенность самосознания отечественной культуры, основанная на конституировании смысла национально-государственного бытия в границах оппозиции «свое» — «чужое», где границы «своего» и «чужого» задаются пониманием древнерусской концепции «Третьего Рима» и инновациями петровского и послепетровского времени. В отечественной архитектуре и искусствоведении была признана художественная ценность церковных произведений Тона. Результаты исследования могут применяться в культурной политике, направленной на сохранение и реставрацию исторических культурных памятников, а также на строительство новых церквей. Материалы статьи могут ис-

пользоваться при чтении курсов по культурологии и истории культуры России. Изучение архитектурных произведений в качестве культурных текстов, манифестирующих или репрезентирующих сознание отечественной культуры, является перспективным, способствующим исследованию и сохранению культурно-исторической памяти России.

Ключевые слова. К. А. Тон, «народность», русско-византийский стиль, церковная архитектура

Для цитирования: Ключкина Л. А. Дискуссия о сущности храмов русско-византийского стиля К. А. Тона в отечественной культуре XIX — начале XXI века // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 48–63. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-48>

Discussion on the Essence of K.A. Ton's Russian-Byzantinesque Temples in the National Culture from the 19th through to the Early 21st Century

Ludmila A. Klyukina

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, klyukina-la77@yandex.ru

Abstract. *This articles aims to inquire into the discussion on the essence of K.A. Ton's Russian-Byzantinesque temples in the national culture from the 19th through to the early 21st century, as well as reconstruct the logic of the self-awareness of Russian culture basing on the example of this discussion. Logical and historical analysis was employed as the method for examining the texts of social thinkers. The construction and description of the logic of the self-awareness of Russian culture were conducted in the context of Y. M. Lotman's semiotic approach. The author of this article has come to the following conclusions. In the aforementioned period of time, an ambiguous conception of the essence of Ton's temple architecture has developed and persisted. It was explained by the eclectic method of the architect's design planning that combined elements of classic and ancient Russian architecture. Emulating ancient Russian architecture, Ton created the illusion of the unity of "clergy" and "royalty" in the visual images of temples. As Ton's architecture was style-shaping, it can be deemed successive in relation to Muscovite sacral architecture of the 15-16th centuries. The perception of the images of temples had been shaping in the framework of the dualistic cultural model, and dependent on the ideological position of the recipient. In the process of studying the discussion on the essence of K.A. Ton's Russian-Byzantinesque style, the logic of the self-awareness of Russian culture was unraveled. This logic is based on constituting discourse in the framework of "self-other" opposition, where the limits of the "self" and the "other" are set by the understanding of the ancient Russian concept of Third Rome. Since the ending of the 20th century, the artistic value of Ton's works*

had been recognized in national architecture and art history. The results of this study can be applied to cultural politics aimed at preservation and restoration of historical and cultural monuments, as well as building new temples. The materials of this articles can be used in academic programs on cultural studies and history of Russian culture. Examining edifices as cultural text that manifest or represent the self-awareness of national culture is a promising method that encourages studying and preserving the cultural and historical memory of Russia.

Keywords: *K.A. Ton, national ethos, Russian-Byzantinesque style, sacral architecture*

For citation: Klyukina L. A. Discussion on the Essence of K. A. Ton's Russian-Byzantinesque Temples in the National Culture from the 19th through to the Early 21st Century. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022;4:48–63 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-48>

Введение. Русский архитектор Константин Андреевич Тон (1794–1881) официально считается основателем русско-византийского стиля храмового зодчества XIX века. Его первым произведением, построенным в русско-византийском стиле, была Екатерининская церковь в Санкт-Петербурге (1830–1838). Затем были созданы самые известные произведения данного стиля: памятник Отечественной войны 1812 года Храм Христа Спасителя в Москве (1839–1883) [1, с. 107] и Церковь Введения в Семеновском полку в Санкт-Петербурге (1837–1842) [1, с. 105]. Все свои произведения Тон создавал по государственному заказу. После войны 1812 года в России усиливаются патриотические настроения, связанные со стремлением возрождения основ русской православной культуры и народности, укреплением российской государственности. Поиск форм выражения национального самосознания и культуры осуществлялся под контролем государственной власти путем использования различных методов. В кругах архитекторов того времени понятие «народность» — идеологическая формула министра просвещения С. С. Уварова — понималось как внешнее подражание образцам русского зодчества допетровской эпохи [1, с. 110]. Тон использовал при сооружении произведений русско-византийского стиля достижения современной европейской архитектуры и элементы древнерусского зодчества. Хотя в основании храмов был положен «византийский крест», при возведении самого здания Тон использовал приемы классицизма. Национальные черты стиля пе-

редавались внешними декоративными средствами: пятью «луковичными главами», цилиндрическими барабанами глав, аркатурным поясом грандиозных размеров, белокаменной резьбой стен [1, с. 108]. Наиболее гармонического сочетания между кубическим объемом низа и верхней пятиглавой частью Тон достиг в строительстве Семеновской церкви. Поэтому проект этой церкви, а также ряд других проектов данного стиля был рекомендован властью в 1841 году в качестве образца при проектировании православных храмов во всей Российской империи [2, с. 83]. Построенные в данном стиле церкви не были копиями утвержденного образца, они отличались друг от друга по плану и по соотношению объемов. В царствование императора Николая I стиль Тона был признан официальным стилем русской православной храмовой архитектуры. Однако николаевское правительство было последним правительством, серьезно контролировавшим развитие архитектуры. В конце XIX века «архитектура абсолютизма» сменилась «архитектурой капитализма» и функция строительного контроля передается государством городским управам [3, с. 74–75]. К этому времени уже были хорошо изучены с научной точки зрения образцы древнерусской и византийской архитектуры и отдельными специалистами был сделан вывод о несоответствии тоновских храмов образцам этих традиций. В начале XX века в первые годы советской власти многие храмы русско-византийского стиля были разрушены, в том числе и Храм Христа Спасителя в Москве. В конце XX века обращение к храмовой архитектуре Тона снова становится актуальным; в 90-е годы в Москве воссоздается Храм Христа Спасителя, который понимается символом возрождения православной культуры России. Черты русско-византийского стиля встречаются довольно часто и в российской региональной церковной архитектуре к. XX–XXI века. В этой связи изучение дискуссии о том, какой смысл выражают храмовые произведения Тона русско-византийского стиля, является актуальным, так как дает представление о развитии некоторых аспектов культурного самосознания России.

Целью статьи является анализ точек зрения философов, архитекторов, историков архитектуры, искусствоведов относительно сущности храмов русско-византийского стиля К. А. Тона XIX — н. XXI века, а также выявление на примере данной дискуссии бинарной логики самосознания культуры России.

Методы исследования. При исследовании точек зрения мыслителей в работе использовался логический и исторический анализы текстов. Семиотический подход Ю. М. Лотмана применялся при построении и описании самосознания отечественной культуры вышеназванного периода.

Теоретическую базу исследования составили труды историков архитектуры и искусствоведов А. В. Берташа [4; 5], Е. А. Боровой [1], Е. И. Кириченко [6], В. Г. Лисовского [2], Т. А. Славиной [3], А. С. Щенкова [7], а также философов Ю. М. Лотмана [8] и Е. Н. Трубецкого [9].

Результаты исследования. В 40-е годы XIX века культурную элиту России составляло сообщество интеллигентных людей, связанных друг с другом деловыми или дружескими отношениями. Всех этих людей волновала историческая судьба русской культуры. Всех их объединяло осознание личной причастности к истории России и ответственности за то, что происходило в обществе. Поэтому современниками Тона сущность его русско-византийских храмов осознавалась достаточно хорошо. Вокруг данных произведений в общественных кругах того времени развернулась острая полемика. Архитектор официальных кругов И. И. Свиязев писал, что Тон является создателем русского стиля, являющегося переосмыслением форм византийской архитектуры в связи с приспособлением к местным климатическим и историческим условиям, подлинным архитектурным выражением идеи русской православной церкви [10, с. 3]. Он отмечал, что Тон воссоздал русское церковное зодчество. «Я смело говорю *русское* (курсив — Свиязева. — К. Л.), потому что сам русский народ с-издавна усвоил и проникнул своим духом основания этого зодчества, которого простое, безыскусственное и, можно сказать, младенческое выражение в древних памятниках, — оставленное, забытое, — Тон воззвал к новой жизни и в своих произведениях возвел на степень современного искусства» [10, с. 3]. Русский художник А. А. Иванов, интересующийся религиозным искусством, также отмечал, что стиль Тона можно считать образцом русской архитектуры, так как архитектор после того, как получил образование за границей, тщательно изучил древнерусское зодчество [3, с. 74].

Русский писатель, западник А. И. Герцен видел в новых церквях Тона воплощение идеи официальной народности графа С. С. Уваро-

ва. По его мнению, эти церкви не выражают мистического отношения к Богу, которое ярко выражено в проектах его друга архитектора К. Витберга, попавшего в немилость у императора Николая I [11, с. 281]. Сущностью древнерусской архитектуры религиозный философ Е. Н. Трубецкой понимал встречу двух миров: земного и божественного. Этот смысл передавался в архитектурной целостности храма. Внешний образ храма украшался луковичными главами, выражающими «горение ко кресту», означающее воплощение образа Божия в духовном облике России будущего [9, с. 242]. Внутреннее пространство храма, по Трубецкому, выражало идею соборности как единения всей живой твари во Христе. Храм Христа Спасителя Тона Трубецкой назвал крупным памятником, олицетворяющим идею земного благополучия [9, с. 242]. В образе луковичных храмов Тона, по мнению философа, не ощущается стремления к запредельному, так как под куполом луковицы не чувствуется соборного пространства, она является лишь внешним украшением. Такая архитектура означает упадок духовной жизни в России [9, с. 243]. Таким образом, в XIX веке отношение к культурным произведениям определялось не только эстетическим вкусом, но в большей степени философской и идеологической позицией мыслителя.

В первые годы советской власти была объявлена политическая борьба с православием как идеологической основой самодержавия, следствием чего стало уничтожение множества храмов, в том числе и произведений Тона [4]. В этой связи в кругах архитекторов сложилась негативная идеологическая оценка храмового творчества Тона. Во многих советских учебниках по архитектуре сущность его строений трактовалась как реализация реакционной программы Николая I [3, с. 5].

Во второй половине XX века появляются научные работы, посвященные исследованию культовой архитектуры Тона, освобожденные от идеологической оценки. Российский историк архитектуры, искусствовед Е. А. Борисова рассматривала храмовые строения русско-византийского типа в связи с общими эстетическими поисками той эпохи. Она подчеркивает, что поиски национального стиля в русской архитектуре велись в контексте романтического направления, проникшего в русскую культуру с Запада. Вместе с тем эти поиски велись с целью открыть возможности самобытного развития русской архитектуры не только в далеком прошлом, но и в на-

стоящем путем противопоставления европейской архитектуре [1, с. 92–93]. Борисова соглашается, что стремление представить древнерусскую архитектуру единственной и прямой преемницей византийской архитектуры было выражением наиболее официальных исторических концепций [1, с. 93]. Так как во времена Тона научное исследование древнерусских памятников только начиналось, то архитектор использовал технику современной европейской архитектуры при проектировании храмов в сочетании с чисто внешними признаками древнерусского стиля в виде отдельных декоративных элементов, которые накладывались на основу здания, не образуя пластической выразительности целого [1, с. 108–109]. Поэтому искусствовед признает Тона основателем русско-византийского стиля в понятиях архитектурной науки того времени, но, несмотря на то, что Тон использует новые конструктивные и инженерные решения при строительстве храмов, отказывается считать его новатором в области церковной архитектуры [1, с. 110].

Российский искусствовед Е. И. Кириченко, исследовав различные направления «русского стиля» в отечественной архитектуре 1830–1910-х годов, показала, что Тон назвал свой стиль русско-византийским по следующим соображениям. С точки зрения Тона, элементы русской народности с давних пор сроднились с элементами византийской православной культуры, что повлияло на становление русской церковной архитектуры. Архитектор считал типичным образцом этого зодчества кубовидный пятиглавый крестовокупольный храм. В понимании Тона максимального развития этот идеал достиг в образах московских храмов второй половины XV — начала XVI века, связанных с традицией владимирской школы. Эти храмы воплощали идею Третьего Рима, согласно которой Москва стала духовной преемницей Константинополя (Второго Рима), а Россия — Византии [6, с. 117]. Искусствовед отмечала, что, создавая свои храмы, архитектор пользовался методом эклектики того времени, что особенно заметно на примере Храма Христа Спасителя, где применялись приемы формообразования классицизма и элементы древнерусского зодчества [6, с. 118]. Кириченко высоко оценила художественные достоинства произведений Тона, отметив, что принципы, которыми он руководствовался при возведении зданий, были идентичны принципам других архитекторов того времени. Однако, по ее мнению, не архитектурные качества, а смысл, ко-

торый ассоциировался с этими произведениями, определял эстетическую оценку как современников, так и последующих поколений [6, с. 118–119].

Изучив творческую биографию Тона, историк архитектуры Т. А. Славина сделала вывод, что его церкви демонстрировали преемственность московского зодчества XIV–XVI веков, увиденную и осмысленную через призму опыта архитекторов уже XVIII и XIX веков, что отразилось в его проектах [3, с. 112]. С точки зрения Славиной, в этом заключается общеметодологическая ценность его проектов. По ее утверждению, сплетение монархических идей с идеями народности было характерной чертой культуры России 1830-х годов. Поэтому в проектах церковной архитектуры это тоже присутствовало [3, с. 86]. Вместе с тем Тон поступил как настоящий профессионал своего времени, он отбирал структуры, представлявшие ему с научной точки зрения ценными, и свободно сочетал их с другими, преобразовывая исходные образцы в новую, целостную систему. Таким образом, он не только продолжил традиции национальной и мировой архитектуры, но и способствовал их развитию [3, с. 135]. В. Г. Лисовский считал культовую архитектуру Тона удобным «противовесом» самодержавия либерально-демократической идеологии: с одной стороны, ее монументальные грандиозные объемы соответствовали монархической идее, с другой — формальное сходство с русской церковной архитектурой сохраняло связь с «национальным романтизмом», выражающим демократические идеи. Такая особенность тоновской архитектуры, на его взгляд, породила ее двойственное восприятие [2, с. 78–79].

В трудах Е. А. Борисовой, Е. И. Кириченко, В. Г. Лисовского, Т. А. Славиной церковное зодчество Тона было исследовано в связи с формированием в русском искусстве направлений историзма и эклектики, а также в связи с поисками основ русской национальной культуры научными средствами. Исследователи единогласно признали, что архитектору удалось создать свой индивидуальный стиль храмового зодчества, имеющий художественную ценность, несмотря на явную связь образов его произведений с теорией официальной народности. Кириченко и Славина увидели большой потенциал русско-византийского стиля Тона и высказали предположение о возможном дальнейшем его развитии, прерванном Октябрьской революцией.

В начале XXI века возрастает интерес архитекторов и культурологов к изучению русско-византийского стиля храмового зодчества Тона. Это было связано с поисками Русской православной церковью национальных архитектурных образов с целью строительства новых церквей, с проведением реставрационных работ старых церквей, построенных по образцам проектов Тона, с исследованием культурной и исторической памяти российского общества.

Священник Русской православной церкви, искусствовед А. В. Берташ считает удачным сочетание объемов классицизма с русским национальным декором. По его мнению, обращение к национальной традиции позволило Тону отказаться от римского ордера и постепенно привести в соответствие внешние формы и внутренний объем здания. Начиная с Тона, культовое зодчество XIX века становится стилеобразующим, обособляется от гражданской архитектуры, безусловно выражало идею официальной народности, что было не недостатком, а достоинством данной архитектуры и адекватным ответом на чрезмерную секуляризацию и европеизацию российского общества того времени [5, с. 180]. Благодаря церквям, построенным в Санкт-Петербурге архитектором, изменился облик города, произошла «архитектурная русификация» и «сакрализация северной столицы» [5, с. 180–181]. Типовое проектирование Тона положительно отразилось на строительстве церковных построек в провинции, значительно повысив их эстетический и функциональный уровень [5, с. 180–181]. Берташ высоко оценил художественную выразительность русско-византийского стиля и подчеркнул экономичность проектов малых церквей данного стиля. Им был составлен альбом, куда вошли образцовые проекты церквей, в том числе и тоновские, рекомендованные РПЦ для использования при строительстве новых храмов в регионах [12].

В фундаментальной коллективной монографии «Архитектура русского православного храма» под редакцией архитектора А. С. Щенкова была рассмотрена эволюция храмостроения в русской культуре с конца X по начало XXI века [7]. В седьмой главе «Архитектура храмов 1830–1910-х годов», написанной Щенковым, церковная архитектура русско-византийского стиля Тона исследуется в контексте философско-культурного мировоззрения эпохи с учетом концепции *mental habit* немецкого искусствоведа Э. Панофски [7, с. 323–324]. Под *mental habit* понимается привычное мышле-

ние, действующее подсознательно и многое определяющее в культуре. Щенков подразделяет привычное мышление на культурный стиль и профессиональное мышление. Он утверждает, что в средние века стиль культуры и профессиональное мышление практически совпадали, особенно в области городской архитектуры. В основе русского церковного искусства XIX века лежало представление о «двух истинах», согласно которому религиозный смысл не может быть адекватно выражен в художественном произведении. Несмотря на то что в 30–40-х годах XIX века возрождается интерес к средневековой архитектуре, в которой усматривали выражение народного духа, формирование русско-византийского стиля определяли светские программные установки. Поэтому данный стиль не выражал русское православное сознание. Однако эти программные установки существенным образом корректировались церковью, которая признала этот стиль своим, так как иконографические знаки данного стиля вербализировали ценности православного менталитета, что способствовало отказу от форм, манифестирующих ценности католичества или язычества. Сам Щенков не считает тоновский стиль удачным выражением менталитета русской православной культуры. Симметричность классицизма, используемая в данном стиле, создавала представление о Дворце Бога на земле, но не идею соборности. Этому стилю, по его мнению, не хватало асимметричности, пластичности, органичности, одухотворенности [7, с. 325].

В своей статье Л. А. Ключкина осуществляет семиотический анализ визуальных образов пятиглавых храмов русско-византийского стиля Тона в контексте теорий интерпретации архитектурных произведений У. Эко, Р. Ингардена. Автор делает вывод, что «в образах тоновских храмов манифестировалась идея сакрализации власти, смысл которой заключался в особой исторической миссии власти — в распространении и охране ценностей православия и просвещении народа» [13, с. 21]. Этот смысл передавался в культовом зодчестве Тона путем обращения к идеям «программности», «повествовательности», «цитирования». При проектировании храмов архитектор использовал метод «умного выбора», рационально сочетая элементы классицизма и древнерусского зодчества. «Это создавало возможности для двойственной интерпретации образов храмов. Одни современники Тона в образах храмов видели выражение «святости», а другие — «государственности»» [13, с. 21]. Автор объясня-

ет данное обстоятельство тем, что амбивалентное восприятие храмов определялось кодом имперской культуры Петра I, описанным Ю. М. Лотманом [13, с. 30]. Согласно Лотману, в XVIII веке сформировалась дуальная модель русской культуры, для которой характерно было двуязычие. В рамках этой модели «свое», «национальное» выявлялось путем противопоставления «чужому», «европейскому» и обособления от него [8, с. 77]. Данной модели, по Лотману, «свойственен семиотический полиглотизм, который строится по модели, восходящей в конечном счете к церковнославянско-русскому дуализму» [8, с. 78]. «Семиотический дуализм исходной культурной модели оказался настолько устойчивым организующим средством, что в дальнейшем смена конкретных языков культуры не повлияла на двойную природу самой культуры» [8, с. 78]. Внутри дуальной семиотической модели возможны разные типы отношений между знаковыми системами. В церковнославянско-русском дуализме была выстроена иерархия языков, в которой книжный церковнославянский язык понимался официальным языком культуры, а русский язык — отклонением от нее. В петровской культуре церковнославянский язык и русский язык рассматривались как две разные знаковые системы [8, с. 78–79]. Поэтому в эту эпоху по-разному трактовалась идея «европейского»: то как принципиально «чужое», то как «свое», позаимствованное в результате органических потребностей собственной историко-социальной жизни и творчески переработанное. В образах храмов Клюкина прочитывает не только теорию официальной народности, но и имплицитный смысл о том, что начиная с XIX века российская национальная идентичность складывается не естественно-историческим образом, а рационально создается средствами социальной инженерии.

В XXI веке сохраняется двойственное представление о сущности русско-византийской архитектуры Тона. Одни исследователи видят в образах его храмов символ национальной идеи России [14], национальный стиль РПЦ [15], другие — репрезентацию сакрализации власти [16]. Вместе с тем все исследователи признают художественную ценность произведений данного стиля и значимость охраны и реставрации их для сохранения исторической памяти России.

Исторический и логический анализ точек зрения представителей общественной мысли XIX — н. XXI века показал, что во все периоды складывалось двойственное представление о сущности хра-

мов соборного типа русско-византийского стиля Тона. Это было связано с методом проектирования архитектора, который синтезировал приемы и техники классицизма и древнерусского зодчества. Зодчий создал новый храмовый стиль, который условно можно считать преемственным по отношению к допетровской церковной архитектуре. Восприятие образов храмов зависело от идейной позиции реципиента, интерпретация последней задавалась бинарной моделью культуры, искусственно созданной еще Петром I и его сподвижниками. На примере исследования дискуссии о сущности храмов русско-византийского стиля Тона в отечественной культуре XIX — н. XXI века можно увидеть логику двойственности самосознания русской культуры этой эпохи, в основе которой лежала унаследованная из петровской культуры амбивалентная оппозиция «свое» — «чужое». С XIX века поиски народности в архитектуре велись в виде «отбора» наиболее значимых характеристик различных традиций. В результате под «своим» порой стало пониматься в том числе и национализированное «чужое», противопоставляемое исходному прототипу: классицизму, рационализму, просвещению. Тону удалось воплотить в своих произведениях образ православной монархии. Обращаясь к стилевой подражательности древнерусскому зодчеству, он создал визуальный образ «православной империи» в своей церковной архитектуре. Но именно потому, что связь между этим единством была очень хрупкой и зависела от ориентации на стилеобразование и удачных пропорций объемов храма, которые он не сразу нашел, его произведения породили столько споров вокруг них. В свете проведенного исследования в качестве особого свойства самосознания русской культуры усматривается способность творчески переосмыслить «чужое».

Заключение. В статье рассмотрена дискуссия о сущности культового зодчества русско-византийского стиля Тона в историко-культурном контексте XIX — н. XXI века. В связи с этим были проанализированы позиции представителей различных течений общественной мысли: культурологов, философов, архитекторов, историков архитектуры, искусствоведов, священников РПЦ. В первой половине XIX века дискуссия о храмах Тона была тесно связана с поисками творческой интеллигенции форм выражения в искусстве идеи «народности» художественными средствами. Так как в области архитектуры эти поиски во многом контролировались и опре-

делялись государственной властью, то сформировалось двойственное отношение к произведениям данного стиля. В советскую эпоху церкви русско-византийского стиля уничтожались как символы прежнего строя. С к. XX века церковное зодчество архитектора оценивается как одно из значимых художественных достижений русской архитектуры. В н. XXI века отношение к русско-византийскому стилю стало в некоторой степени определяться в зависимости от позиции по вопросу: должно ли культовое зодчество развиваться в соответствии со вкусами заказчика или быть «программным», выражающим национально-государственную идею. На примере исследования дискуссии о сущности церковного стиля Тона была прослежена бинарность логики развития самосознания отечественной культуры, связанная с попыткой рассматривать тексты мыслителей о храмах Тона в виде текстов самоописания культуры, в которых было высказано отношение к проблеме выражения смысла национально-государственного бытия в церковной архитектуре. В статье было показано, что данная логика базируется на смыслополагании в границах оппозиции «свое» — «чужое», где границы «своего» и «чужого» задаются пониманием древнерусской концепции «Третьего Рима» и инновациями петровского и послепетровского времени. Материалы данной статьи могут быть интересны профессиональным архитекторам и потенциальным заказчикам церковной архитектуры при проектировании церквей. Материалы исследования могут также использоваться при чтении курсов по культурологии и истории культуры России.

Список источников

1. Борисова Е. А. Русская архитектура второй половины XIX века. М.: Наука, 1979. 319 с.
2. Лисовский В. Г. «Национальный стиль» в архитектуре России. М.: Совпадение, 2000. 416 с.
3. Славина Т. А. Константин Тон. Л.: Стройиздат, 1989. 224 с.
4. Берташ А. В. Русское храмостроительство середины XIX — начала XX вв. в оценке дореволюционных и советских историков архитектуры: к историографии вопроса // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 183–197.
5. Берташ А. В. Стилистические особенности храмостроительства в 1830–1870-е годы в России: столица и национальные окраины // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Искусствоведение. 2013. Вып. 1. С. 178–198.

6. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. М.: Искусство, 1982. 399 с.
7. Архитектура русского православного храма / под общ. ред. доктора архитектуры А. С. Щенкова. М.: Памятники исторической мысли, 2013. 528 с.
8. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.
9. Трубецкой Е. Н. Два мира в древнерусской иконописи // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. М.: Прогресс, 1993. С. 220–246.
10. Свиязев И. И. Предисловие // Практические чертежи по устройству церкви Введения во храм пресвятыя Богородицы в Семеновском полку в С.-Петербурге, составленные и исполненные архитектором профессором Академии художеств Константином Тоном. М.: Тип. А. Семена, 1845. С. 1–6.
11. Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. VIII. 518 с.
12. Образцовые проекты церковных строений. Материалы альбомов XIX в. / вступ. ст., сост. диакон А. Берташ. СПб.: Logos, 2003. 156 с.
13. Клюкина Л. А. Визуализация теории официальной народности в храмовой архитектуре русско-византийского стиля первой половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 21–33.
14. Атаманова Е. Т. Православное наследие К. А. Тона в туристском дискурсе Липецкого региона // «Ищите же прежде Царствия Божия и Правды Его» (Мф. 6:33) : материалы XII Международного форума / Липецкий государственный университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского. Липецк, 2017. С. 260–263.
15. Туманик А. Г. Школа К. А. Тона как теоретика и практика русской архитектуры // Региональные архитектурно-художественные школы. 2015. № 1. С. 331–336.
16. Малеева Е. Н. Образ храма как образ власти: государственный заказ в русской художественной культуре XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 61. С. 165–169.

References

1. Borisova E. A. *Russkaya arhitektura vtoroj poloviny XIX veka* [Russian architecture of the second half of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 319 p. (In Russ.)
2. Lisovskij V. G. «*Nacional'nyj stil*» v *arhitekture Rossii* ["National style" in the architecture of Russia]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2000. 416 p. (In Russ.)

3. Slavina T. A. *Konstantin Ton* [Konstantin Ton]. Leningrad, Stroizdat Publ., 1989. 224 p. (In Russ.)
4. Bertash A. V. Russian Church building in the middle of the 19th — early 20th centuries in the assessment of pre-revolutionary and Soviet architectural historians: on the historiography of the issue. *Hristianskoe chtenie* [Christian reading], 2017, no 5, pp. 183–197. (In Russ.)
5. Bertash A. V. Stylistic features of church building in 1830–1870s in Russia: the capital and national outskirts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya Iskusstvovedenie* [Bulletin of St. Petersburg University. Series Art History], 2013, no 1, pp. 178–198. (In Russ.)
6. Kirichenko E. I. *Russkaya arhitektura 1830–1910-h godov* [Russian architecture of the 1830–1910s]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982. 399 p. (In Russ.)
7. *Arhitektura russkogo pravoslavnogo hrama* [Architecture of the Russian Orthodox Church]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy misli Publ., 2013. 528 p. (In Russ.)
8. Lotman Yu. M. *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2002. 768 p. (In Russ.)
9. Trubeckoj E. N. Two worlds in Old Russian icon-painting. *Filosofiya russkogo religioznogo iskusstva XVI–XX vv.* [Philosophy of the Russian religious art of the 16th–20th cs.]. Moscow, Progress Publ., 1993, pp. 220–246. (In Russ.)
10. Sviyazev I. I. Foreword. *Prakticheskie chertezhi po ustrojstvu cerkvi Vvedeniya vo hram presvyatyya Bogorodicy v Semenovskom polku v S.-Peterburge, sostavlennye i ispolnennye arhitektorom professorom Akademii hudozhestv... Konstantinom Tonom* [Practical drawings on the structure of the Church of Introduction to the Temple of the most Holy Theotokos in the Semyonovsky regiment in St. Petersburg, compiled and executed by the architect, Professor of the Academy of arts... Konstantin Thon]. Moscow, Print. A. Semena, 1845, pp. 1–6. (In Russ.)
11. Gercen A. I. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. In 30 vol. Of vol. 8. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Press, 1956. 518 p. (In Russ.)
12. *Obrazcovye proekty cerkovnyh stroenij. Materialy al'bomov XIX v.* [Exemplary projects of church buildings. Materials of albums of the XX century]. St. Petersburg, Logos Publ., 2003. 156 p. (In Russ.)
13. Klyukina L. A. Visualization of the theory of official nationality in Russian-Byzantine temple architecture in the first half of the 19th century. *Vestnik slavyanskij kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2020, vol. 58, pp. 21–33. (In Russ.)
14. Atamanova E. T. Orthodox heritage of K. A. Ton in the tourist discourse of the Lipetsk region. «*Ishchite zhe prezhde Carstviya Bozhiya i Pravdy Ego*» (Mf. 6:33). *Materialy XII Mezhdunarodnogo foruma* [“Seek first the Kingdom of God and His righteousness” (Matthew 6:33). Materials of the XII International

Forum]. Lipetsk, State University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky Press, 2017, pp. 260–263. (In Russ.)

15. Tumanik A. G. Tones as a theory and practice of Russian architecture. *Regional'nye arhitekturno-hudozhestvennye shkoly* [Regional architectural and art schools], 2015, no 1, pp. 331–336. (In Russ.)

16. Maleeva E. N. The image of the temple as an image of power: the state order in the Russian artistic culture of the 19th century. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen], 2008, no 61, pp. 165–169. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Клюкина Людмила Александровна Ludmila A. Klyukina

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и
культурологии, Петрозаводский
государственный университет

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Professor of
the Department of Philosophy and
Culture-studies of Petrozavodsk State
University

185910 Россия, Республика Карелия, г.
Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

33 Lenin Av., Petrozavodsk, the
Republic of Karelia, 185910, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	05.03.2022
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	27.05.2022
Принята к публикации / Accepted for publication	7.06.2022